

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА ООН К МИРОТВОРЧЕСТВУ

Жигалева Ю.Е.

*Жигалева Юлия Евгеньевна - студент,
факультет международных отношений,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург*

Аннотация: с окончанием холодной войны Организация Объединенных Наций значительно расширила масштабы своей миротворческой деятельности и включила в проведение миротворческих миссий гендерный подход, учитывающий особое положение женщин и девочек в конфликтах и их потенциал в построении прочного мира. Однако, представители феминистской школы международных отношений, исследования которых в свое время дали толчок интеграции женщин в миростроительство, находят множество проблемных аспектов современной миротворческой практики Организации Объединенных Наций. В статье приведен обзор основных несовершенств гендерного подхода Организации Объединенных Наций к миротворчеству, отмеченных феминистами-международниками.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, миротворчество ООН, феминизм, гендер, миротворческие стратегии, защита прав человека, международные отношения.

Организация Объединенных Наций (ООН), созданная государствами на исходе Второй мировой войны для поддержания мира и безопасности, сегодня является крупнейшим форумом для межгосударственного сотрудничества во всех сферах международной жизни. Общеизвестный статус ООН дает этой организации мандат на проведение миротворческих операций в зонах современных конфликтов. Проведение миротворческих операций должно быть санкционировано Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) - органом, состоящим из 5 постоянных стран-членов, обладающих правом вето, и 10 непостоянных членов. Окончание холодной войны и ослабление противостояния больших сил международной системы позволило ООН расширить число и масштабы своих миротворческих операций, а также испробовать новые подходы к построению мира. В начале XXI в. Организация Объединенных Наций обратила внимание на особое положение женщин и детей в конфликтах, а также внедрила гендерную перспективу в свою миротворческую деятельность.

Появление «женского вопроса» в международной повестке является заслугой феминистской школы международных отношений, получившей свое развитие с 80-х гг. XX века. Феминисты-международники подвергли критике андроцентричный характер дисциплины о международных отношениях, указали на гендерные властные структуры, поддерживающие мировой порядок, и первыми поставили вопрос о месте женщин в международной системе. Чтобы опровергнуть патриархальную дихотомию «защитник/защищаемые», согласно которой войны являются исключительно мужским делом и всегда ведутся во имя справедливой цели и ради защиты женщин и других уязвимых групп населения, феминисты указали на растущую статистику жертв среди мирного населения в современных вооруженных конфликтах. За последнее столетие доля жертв среди гражданского населения выросла с 10% до 90% от общего числа военных потерь [1, с. 45]. Согласно данным Комиссии ООН по делам беженцев, женщины и дети составляют около 75% от числа людей нуждающихся в защите [2, с. 64 - 65]. Особое внимание исследователи уделяют проблеме сексуального насилия в конфликтах. Несмотря на то, что сбор данных об этом роде военных преступлений крайне затруднен, различные статистические исследования ООН позволяют определить, что число жертв, пострадавших от сексуального насилия в Боснийском конфликте составило около 20 тысяч человек, 15 тысяч в год во время конфликта в Демократической Республике Конго, и как минимум 250 тысяч жертв во время геноцида в Руанде [3].

В то же время, феминисты указывают на то, что опыт и интересы женщин в военных конфликтах могут быть разнообразны и не должны быть сведены к статусу жертв и противников войны. Отмечается, что женщины могут не только столкнуться с гендерным и сексуальным насилием, стать жертвой торговли людьми или военной секс-индустрии, оказаться наиболее уязвимой группой населения в условиях сниженной социальной защиты и медицинской поддержки, а также составить большую, но менее привилегированную группу беженцев, но и принять на себя роли главы семьи в условиях ограниченных ресурсов, столкнуться с внутрисемейным расколом по линии конфликта, присоединиться в качества бойца к одной из сторон войны и потому не желать его прекращения, чувствуя усиление своей значимости в военное время [4, с. 4 - 5].

Феминистские исследования положения женщин в военных конфликтах положили начало дискуссии о необходимости включения женщин в переговорные процессы и пост-конфликтное устройство. За последние два десятилетия ООН был принят ряд важнейших документов, обращающих внимание на положение женщин в конфликтах, и роль, которую гендер играет в военном конфликте и может сыграть в его преодолении. В 2000 г. Советом Безопасности ООН была принята Резолюция 1325 «Женщины, мир

и безопасность» [5]. Проект резолюции был предложен Совбезу коалицией неправительственных организаций во главе с Международной лигой женщин за мир и свободу [6, с. 2 - 3]. Поскольку излишняя виктимизация женщин ранее была использована государствами как оправдание военных интервенций, по природе своей еще более разрушительных и усугубляющих положение женщин в зонах конфликтов, для международного феминистского сообщества было важно добиться гарантии активной, а не пассивной роли женщин в переговорном и миротворческом процессах [5, с. 4]. Резолюция отмечает, что «понимание влияния вооруженных конфликтов на женщин и девочек и наличие эффективных организационных механизмов, гарантирующих их защиту и полное участие в мирном процессе, могут в значительной мере способствовать поддержанию и содействию укреплению международного мира и безопасности» [5, с. 2], и потому предлагает повысить представительство женщин в национальных органах власти, расширить участие женщин в полевых организациях ООН, среди военных наблюдателей, полицейского и гуманитарного персонала, в миротворчестве и пост-конфликтном строительстве с вниманием относиться к особым потребностям женщин и девочек, обеспечить выполнение их прав и адекватную защиту от сексуального насилия [5, с. 2 - 3]. Таким образом, Резолюция ООН стремилась положить начало работе миротворчества в двух новых направлениях: усиленной защите прав женщин и девочек в зонах конфликтов, с особым вниманием к случаям сексуального насилия, а также в использовании гендерной перспективы как нового инструмента в построении прочного мира.

Группа резолюций, последовавших следом за Резолюцией 1325, однако, оказалась посвящена исключительно вопросу сексуального насилия в военное время. Среди них Резолюция 1820 (2008) о признании сексуального насилия как метода ведения войны [7], Резолюция 1888 (2009) о создании должности Специального представителя Генерального секретаря по вопросам сексуального насилия в вооруженных конфликтах [8], Резолюция 1960 (2010), установившая систему отчетности со стороны ООН по борьбе с сексуальным насилием [9]. Таким образом, последовавшие резолюции сместили фокус с участия женщин в миротворчестве и пост-конфликтном строительстве во имя прочного мира и гендерного равенства в сторону акцента на борьбу женщин-миротворцев с сексуальным (а не гендерным) насилием, которое переживают женщины в зонах конфликтов.

За годы с момента принятия Резолюции 1325 количество женщин среди миротворцев ООН увеличилось незначительно – с 1,5% [10] до 4% [11]. Кроме того, претворение в жизнь гендерного подхода к миротворчеству часто сталкивается с препятствиями, корнящимися в структуре Совета Безопасности ООН. Как известно, постоянными членами ООН является пятерка крупнейших в военном отношении сил - США, Россия, Китай, Великобритания и Франция. Обладая правом вето, одно из этих государств может свободно воспрепятствовать воплощению любого решения Совбеза. В случае, когда один из постоянных членов блокирует вмешательство сил ООН в конфликт, в ходе повторного обсуждения интервенции гендерная повестка, как правило, уходит на второй план [12, с. 135]. Отмечается также, что женщины редко оказываются задействованы в наиболее напряженных и опасных военных конфликтах, урегулирование которых действительно требует новых методов решения [12, с. 135]. Рассматривая гендерный подход ООН к миротворчеству, феминисты-международники, по сути являющиеся вдохновителями внедрения гендерной проблематики в миротворческие миссии, находят ряд проблемных аспектов в современной практике построения мира.

Во-первых, феминисты с опаской относятся к чрезмерному вниманию международного сообщества к проблеме сексуального насилия в военное время. Исследователи не отрицают широких масштабов этого явления в условиях атмосферы хаоса и безнаказанности в военное время, однако, находят сразу несколько негативных последствий чрезмерной виктимизации женщин. Прежде всего, представление женщин, как пассивных жертв жесткости войны, препятствует принятию их как равных и полноправных участников миротворческого процесса [13, с. 54]. Кроме того, использование риторики о защите прав женщин и детей может быть использовано странами Совета Безопасности для санкционирования интервенций в собственных интересах [12, с. 136 - 137]. Зачастую упрощенное представление о характере сексуального насилия в войне может также привести к демонизации одной из сторон конфликта с целью оправдания особенно brutальных методов борьбы с ним. Примером такой практики является нарратив о военных изнасилованиях в Боснийско-Сербском конфликте, когда странами НАТО был проигнорирован двухсторонний характер насилия (Боснийская сторона тоже, хоть и в меньших масштабах, прибегала к сексуальному насилию) и его более сложную гендерную структуру (акты насилия не всегда совершались исключительно мужчинами против женщин) [14]. Наконец, тексты Резолюций 1820 и 1888, сосредоточенные на положении женщин и девочек, не пытаются устранить коренные причины сексуального насилия в военное время, кроющиеся в гендерном неравенстве и негативных аспектах маскулинности [13, с. 56]. Приравнивая понятие «гендер» к женщинам и девочкам, резолюции оставляют без внимания особый тип воинственной мужественности и маскулинный характер самой войны, которые и обуславливают всплеск гендерного и сексуального насилия в военное время.

Во-вторых, исследователи феминистской школы не согласны с тем, каким образом ООН использует потенциал женщин-миротворцев. Отмечается, что женщины широко представлены в миротворческом

персонале полевых миссий лишь в тех конфликтах, где велика доля сексуального насилия [12, с. 148-151]. Резолюция 1820, посвященная проблеме использования сексуального насилия как особой военной стратегии, видит участие женщин в миротворческих операциях наиболее очевидным и естественным путем решения проблемы сексуального и гендерного насилия [7, с. 4]. Кроме того, задачи, поручаемые женщинам-миротворцам, базируются на упрощенных представлениях о гендерных ролях мужчин и женщин. Так, одной из задач женщин в миротворческих войсках ООН становится дисциплинирование своих товарищей [15]. Сексуальная эксплуатация миротворцами ООН местных женщин в Демократической Республике Конго и Сьерра Леоне вызвало возмущение международного сообщества и подорвало авторитет миротворческих миссий ООН [16, 70 - 95]. Включение женщин в миротворческий персонал, таким образом, призвано повысить легитимность войск в глазах местных жителей. Другой задачей женщин стало общение с жертвами сексуального насилия – пережившие насилие от рук мужчины или воспитанные в обществах, где общение с мужчиной воспрещается, женщины в военных зонах могли довериться лишь женщинам-миротворцам [17, с. 188 - 189]. Наконец, в общении с лидерами вооруженных групп женщины, присутствуя на переговорах, представляют собой «другого», способствуя сплочению мужчин, разделенных линией конфликта [17, с. 109 - 111]. Такое представление о роли женщин способствует разделению труда в миротворческих миссиях и укореняет стереотипные представления о гендерных ролях.

Подобный гендерный эссенциализм присутствует и при включении женщин в переговорный процесс – ожидая от женщин склонности к гибкости, компромиссности и миролюбивости, организаторы приглашают женщин за стол переговоров как медиаторов, не принадлежащих к какой-либо из сторон. Такой подход опасен исключением из повестки переговоров «женских» вопросов и маргинализации женщин, принимавших активное участие в вооруженном конфликте, то есть тех лиц, которые непосредственно нуждаются в примирении. По мнению феминистов, гендерный подход должен быть более инклюзивным для женщин с разным опытом войны - бойцов, представительниц пострадавшего мирного населения, дипломатов, гражданских активистов [18, с. 257 - 258]. В случае, когда женщины являются жертвами войны, их потери и тяготы должны быть учтены и компенсированы. В ситуации, когда женщины присоединяются к стороне конфликта и имеют выгоду от его продолжения, их интересы и политические требования должны быть приведены к компромиссу с другой стороной и удовлетворены [18, с. 259].

В-третьих, феминисты отметили, что включение женщин в работу над прекращением активной фазы вооруженного конфликта не часто ведет к усилению их политических позиций в мирное время. Как отмечают женщины-активисты в Тихоокеанском регионе, несмотря на свой грандиозный вклад в прекращение огня, подготовку и проведение переговоров о мире в таких конфликтах, как борьба за независимость в Бугенвиле и на Соломоновых островах и государственного переворота в Фиджи, они не оказались представлены в государственных или местных органах власти, сохранивших в мирное время свой патриархальный характер [19, с. 128 - 129]. Без справедливого представительства женщин во власти, в свою очередь, интересы и потребности женщин, переживших конфликт в указанных государствах были проигнорированы [19, с. 129].

Последняя группа аргументов критиков современного гендерного подхода ООН к миротворчеству носит теоретический характер. Многие феминисты скептически относятся к инициативе внедрения идей феминизма в работу структур, созданных и управляемых решениями патриархальных государств [20]. В частности, они указывают на недемократический характер Совета Безопасности, равно как и на присутствие в нем ведущих военных сил мира, ответственных за многие современные конфликты и действующих в соответствии с маскулинной логикой и положениями реализма, которые феминисты широко критикуют [21, с. 160] [22]. Вопрос о том, должен ли феминизм оставаться протестным, анти-системным движением или же попытаться изменить существующие патриархальные структуры изнутри, рискуя утратить свой революционный потенциал, является одним из центральных в феминистской теории в целом. Поэтому особенно радикальные критики гендерного подхода ООН к миротворчеству обвиняют феминизм в подчинении условиям международной системы. По их мнению, вопросы прав женщин и гендерного равенства, сегодня прочно укрепившиеся в международной повестке, могут быть использованы крупными державами, как щит для проведения империалистской и интервенционистской политики в странах, раздираемых военными конфликтами [21, с. 161].

Таким образом, можно заключить, что современная практика миротворчества Организации Объединенных Наций с учетом гендерной проблематики, далека от проекта гендерного подхода, предложенного феминистами на рубеже XX - XXI веков. Несмотря на то, что Резолюция СБ ООН 1325, принята в 2000 г. предполагала интеграцию женщин в миростроительство на правах активных участников, последовавшие резолюции вновь в большой степени свели положение женщин в военных конфликтах к статусу пассивных жертв. Повышенное внимание к проблеме сексуального насилия привело к чрезмерной виктимизации женщин среди мирного населения и нередко было использовано постоянными членами Совета Безопасности как основание для интернационализации локальных

конфликтов. Кроме того, внедрение женщин в миротворческий персонал ООН было основано на эссенциалистских предположениях о гендерных ролях женщин и мужчин и принципиально противоречит современным идеям феминизма и не совершило особого прогресса в количественных показателях. В то же время, участие женщин в прекращении конфликта не всегда приводило к обсуждению особых нужд и интересов женщин в ходе мирных переговоров и не способствовало усилению политических позиций женщин в мирное время. Наконец, сама идея интеграции феминизма в анархичную, высококонкурентную систему международных отношений, по мнению некоторых наиболее радикально настроенных критиков, подрывает революционный потенциал этой теории. Феминисты, имеющие в своем движении длительную антимилитаристскую традицию, напоминают международному сообществу, что главная цель заключается не в снижении разрушительности и жестокости войны, а в искоренении вооруженных конфликтов в целом.

Список литературы

1. Human Development Report 1995. [Электронный ресурс]. Human Development Reports | United Nations Development Programme. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/256/hdr_1995_en_complete_nostats.pdf/ (дата обращения: 07.03.2017).
2. UNHCR Statistical Yearbook 2014, 14th edition. [Электронный ресурс]. UNHCR - The UN Refugee Agency. URL: <http://www.unhcr.org/56655f4c16.html/> (date of access: 07.03.2017).
3. WHO | Undercounting, overcounting and the longevity of flawed estimates: statistics on sexual violence in conflict. [Электронный ресурс]. WHO | World Health Organization. URL: <http://www.who.int/bulletin/volumes/89/12/11-089888/en/> (date of access: 27.03.2017).
4. Karam A. Women in War and Peace-building: The Roads Traversed, The Challenges Ahead // International Feminist Journal of Politics. Vol 3. № 1, 2001. P. 2 - 25.
5. Резолюция Совета Безопасности ООН 1325 от 31 октября 2000 года. [Электронный ресурс]. Операции ООН по поддержанию мира. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/720/20/PDF/N0072020.pdf?OpenElement/> (дата обращения: 26.03.17).
6. Heathcote G., Otto D. Rethinking Peacekeeping, Gender Equality and Collective Security. Palgrave Macmillan UK, 2014.
7. Резолюция Совета Безопасности ООН 1820 от 19 июня 2008 года. [Электронный ресурс]. Операции ООН по поддержанию мира. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/391/46/PDF/N0839146.pdf?OpenElement/> (дата обращения: 13.03.2017).
8. Резолюция Совета Безопасности ООН 1888 от 30 сентября 2009 года. [Электронный ресурс]. Операции ООН по поддержанию мира. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/534/48/PDF/N0953448.pdf?OpenElement/> (дата обращения: 13.03.2017).
9. Резолюция Совета Безопасности ООН 1960 от 16 декабря 2010 года. [Электронный ресурс]. Операции ООН по поддержанию мира. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/698/36/PDF/N1069836.pdf?OpenElement/> (дата обращения: 13.03.2017).
10. DPKO/OMA Statistical Report on Female Military and Police Personnel in UN Peacekeeping Operations Prepared for the 10th Anniversary of the SCR 1325. [Electronic resource]. Welcome to the United Nations. URL: http://www.un.org/en/peacekeeping/documents/gender_sces1325_chart.pdf/ (date of access: 28.03.2017).
11. Gender Statistics by Mission For the Month of February 2017. [Electronic resource]. Welcome to the United Nations. URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/contributors/gender/2017gender/feb17.pdf> (date of access: 28.03.2017).
12. Kreft A.K. The Gender Mainstreaming Gap: Security Council Resolution 1325 and UN Peacekeeping Mandates // International Peacekeeping. Vol. 24. № 1, 2017. P. 132 - 158.
13. Heathcote G. Participation, Gender and Security // Rethinking Peacekeeping, Gender Equality and Collective Security / ed. by G. Heathcote, D. Otto. Palgrave Macmillan UK, 2014. P. 48 - 69.
14. Engle K. Feminism and Its (Dis)contents: Criminalizing Wartime Rape in Bosnia and Herzegovina // The American Journal of International Law. Vol. 99. № 4, 2005. P. 778 - 816.
15. Bridges D., Horsfall D. Increasing Operational Effectiveness in UN Peacekeeping Toward a Gender-Balanced Force // Armed Forces & Society. Vol. 10. № 10, 2009. P. 1 - 11.
16. Róisín B. Shaming the State: Sexual Offences by UN Military Peacekeepers and the Rhetoric of Zero Tolerance // Rethinking Peacekeeping, Gender Equality and Collective Security / ed. by G. Heathcote, D. Otto. Palgrave Macmillan UK, 2014. P. 70 - 97.

17. *Kronsell A.* Gender, Sex, and the Postnational Defense: Militarism and Peacekeeping. Oxford: Oxford University Press, 2012.
18. *Hudson H.* Peace building through a gender lens and the challenges of implementation in Rwanda and Côte d'Ivoire // *Gender and International Security: Feminist Perspective* / ed. by L. Sjoberg. Routledge, 2010. P. 256 - 279.
19. *Rolls S.B.* Thinking Globally and Acting Locally: Linking Women, Peace and Security in the Pacific // *Rethinking Peacekeeping, Gender Equality and Collective Security* / ed. by G. Heathcote, D. Otto. Palgrave Macmillan UK, 2014. P. 118 - 130.
20. *Hemmings C.* Why Stories Matter: The Political Grammar of Feminist Theory. Durham: Duke University Press, 2011.
21. *Otto D.* Beyond Stories of Victory and Danger: Resisting Feminism's Amenability to Serving Security Council Politics // *Rethinking Peacekeeping, Gender Equality and Collective Security* / ed. by G. Heathcote, D. Otto. Palgrave Macmillan UK, 2014. P. 157 - 172.
22. *Young I.M.* The Logic of Masculinist Protection: Reflections of the Current Security State // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 29. № 1, 2003. P. 1 - 25.